

шение расходов над доходами в течение всей войны. В целом же по РСФСР такого сказать нельзя (5).

Самокупаемость театров на Урале была достигнута за счет самоотверженной работы театральных коллективов. Было резко увеличено количество спектаклей и снижена их себестоимость. Из-за жёсткой нехватки кадров приходилось совмещать несколько должностей, причём без эквивалентного материального поощрения. Театры становятся похожи на промышленные предприятия, на которых на поток поставлены спектакли патриотического содержания. Поэтому на решение основной задачи направлялись все средства, а побочные “производства” были или полностью остановлены, или финансировались по остаточному принципу.

После коренного перелома в войне в 1943 году государственные и партийные органы пересматривают свою политику в отношении театров. Было принято решение об изменении репертуара. На сцену вернулись произведения русской и мировой классики патриотического содержания, чьё место в 1941 году заняли место спектакли оборонного репертуара. Так же были приняты меры по восстановлению театральной сети. Это выражалось в возвращении ряду театров его помещений, расширении кадрового состава. Но принцип самокупаемости для театров сохраняется до 1945 г.

Таким образом, в течение всей войны государство и партия проводили в отношении театров политику почти полного прекращения финансирования и частичного сокращения театральной сети. В основу планирования в этой сфере был положен принцип самокупаемости, который совмещался с жёсткими методами управления, характерными для тоталитарного государства. Самокупаемость достигалась за счет сокращения себестоимости постановок и расходов на хозяйственные нужды, и увеличением количества спектаклей в год. Театр являлся настоящей отдушиной для людей, местом, где можно было на некоторое время отвлечься от рабочих будней.

---

1. Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной Войны (1941 - 1945). Екатеринбург, 1996. С. 175.

2. Там же. С. 179.

3. ГАСО. Ф. 2089. Оп. 1. Д. 7. Л. 60., Д. 11. Л. 73, 75.

4. ГАСО. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 44. Л. 19, 21.

5. Сперанский А. В. Указ соч. С. 204.

Манакова С.С. (Нижний Тагил)

Техническая интеллигенция Нижнего Тагила в 1920-е годы

Одним из "вечных" вопросов изучения интеллигенции является попытка дать точное определение интеллигенции, ее природы, структуры, исторического предназначения и ответственности, подлинной роли в

русской истории. Один из исследователей социокультурного развития нашей страны, С.А. Красильников высказал ряд положений по вопросам социальной структуры послереволюционного общества и структурирования советского общества по признакам новой сословности. В обществе переходного типа (в период с 1917 до конца 1930-х гг.) он выделяет три различающихся по объему своих прав и обязанностей типа общностей: лидерные группы (номенклатура), базисные (социальные и профессиональные группы, без которых невозможно устойчивое функционирование общества) и маргинальные (категории лиц, подвергавшихся ограничениям, дискриминации или прямым репрессиям) (1). Данную модель можно применить для анализа привычных нам классов и групп (рабочие, крестьяне, интеллигенция) – в каждой из них легко выделяются названные типы. Интеллигенция, которая занимает в данной типологии третью ступень, как элемент социальной структуры оказалась в эпицентре колоссальной социальной мобильности советского общества, ее элитарность постоянно размывалась и "снизу" (выдвиженцы, рабфаковцы), и "сверху" ("бывшие") (2).

В результате форсированного развития индустриальных процессов инженерно-техническая интеллигенция становилась одной из ключевых социальных групп Уральского региона. До 1920-х годов уральский инженерный корпус пополнялся, главным образом, из внерегиональных и внероссийских источников. Представители данной социально-профессиональной группы являлись носителями определенного типа производственной культуры, отражавшей специфику развития уральской промышленности.

"Старые" специалисты в 1920-е гг. являлись преобладающей и ведущей группой в составе квалифицированной части ИТР и всей научно-технической интеллигенции страны.

Новая, советская, инженерно-техническая интеллигенция в начале своего формирования на Урале представляла собой слой специалистов, искусственно объединенных властью по внешним формальным признакам в единую группу, противопоставляемую "старым" инженерам. Лишь в конце 1930-х гг. в результате форсированной подготовки новых кадров через реформировавшуюся систему высшего и среднего специального образования представители старой технической интеллигенции как бы растворились в массовом пополнении из числа "красных специалистов" и множества рабочих-выдвиженцев, прошедших ускоренную подготовку на различных курсах.

По мере роста уральского инженерного корпуса "советские" специалисты начинали играть все более заметную роль в формировании промышленного комплекса, оказываясь по большей части на ведущих командных постах, не имея порой высшего или специального образования.

Так, заведующий Нижнесалдинским заводом (с 1919 г.) Зуев Василий Давыдович получил начальное 2-классное образование, а заведующий Высокогорским заводом (с 1919 г.) Чернявский Иван Петрович окончил Петроградское реальное училище (3). Надо отметить, что помощниками руководителей заводов или начальниками ведущих цехов становились специалисты, получившие специальное образование. Например, в начале 1920-х годов на Нижнетагильском заводе заведующим доменным и мартеновским производством Высокогорского района был Пойш Сергей Родионович, окончивший металлургическое отделение Петроградского политехнического института; а помощником директора Высокогорского вагоностроительного завода был Монастырский Анатолий Иванович, окончивший Екатеринбургский горный институт (4). Кроме того, одним из важных показателей, характеризующих состояние производительных сил, является насыщенность производства инженерно-техническими работниками. Так, из 19 инженеров Среднеуральского Горного треста лишь 10,5% имели высшее техническое образование; из 33 инженеров Нижнетагильского завода – 21,2%; в Алапаевском округе только 11,8%. Подобная ситуация сложилась и на других заводах Среднего Урала: Кушвинском, Баранчинском, Верхнесалдинском и других. Главной отличительной чертой состояния инженерно-технической интеллигенции 20-х годов XX в. являлся высокий удельный вес практиков на производстве – уникальный признак того времени. Особенность их положения состояла в том, что они занимали должности инженеров и техников, не обладая специальным техническим образованием (5).

В списке служащих Нижнетагильского металлургического завода содержатся сведения о том, что 8% из них до 1917 г. были рабочими. Но выдвижение на руководящие должности рабочих привело к снижению образовательного уровня инженерно-технических работников. К 1925 г. на Урале 41% инженерно-технических работников не имел специального образования. В Нижнем Тагиле на металлургическом заводе процент соответствовал среднему по Уралу (42%), а на Высокогорском руднике был ниже (21%) (6). В подтверждение можно привести следующий факт: на заседании общего собрания союза рабочих металлистов Верхне-Синячихинского завода был выбран директором завода служивший на этом заводе мастер, который "с техникой вполне знаком", потому что на заводе сложилась такая ситуация, при которой работник "несколько месяцев служивший директором почему либо не понравился, мы делаем общее собрание и выбираем другого... В течение месяца у нас в Управлении завода перебывает несколько человек... Избранный представитель управления завода будет утвержден ВСНХ на год" (7).

Такая ситуация сохранилась к началу 1930-х гг., о чем свидетельствует докладная записка Уральского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б). В ней

говорится о недостатке специалистов высшей квалификации – инженеров. В то время как по стране процент специалистов с высшим образованием составляет 31 от общего числа, в уральской промышленности на их долю приходится лишь 17. В результате основную массу специалистов составляют "практики" (42,1%), преобладающее большинство которых не имеют специальной технической подготовки (8).

Общей тенденцией в социальном развитии технической интеллигенции было поддержание высокого уровня представителей рабочего класса за счет передвижения рабочих на командные производственные посты с использованием системы непрерывного образования (9). Это привело к увеличению удельного веса молодых специалистов и недавних выдвиженцев-практиков, прошедших через курсы повышения квалификации. Так, к началу 1930-х годов на Нижнетагильском металлургическом заводе среди инженерно-технических работников осталось только 12% практиков, не имевших специального образования; 78% имели среднее и 10% - высшее образование (10).

"Спецы" в 20-е годы составили ядро базисной части формирующейся советской интеллигенции, поскольку был востребован именно их профессионализм. Первоначально основные источники комплектования данной группы были определены в постановлении СНК о мобилизации технических сил (декабрь 1918 г.) и других вышедших в 1919 – начале 1920 гг. решениях по мобилизации разных категорий специалистов. Это были специалисты, окончившие в России и за границей технические, сельскохозяйственные, агрономические, лесные и другие. учебные заведения или курсы с программой не ниже средних учебных заведений; практики, занимавшие не менее двух лет должности ответственных технических руководителей (11). С позиций формирования советской солидарности наличие некоторых льгот и привилегий позволяет говорить о достаточно высоком месте, которое занимали "спецы" в иерархической структуре нового общества. Главной привилегией специалистов было сохранение относительно высокого уровня оплаты их труда, что противоречило принципам эгалитаризма, уравнилельным устремлениям масс. В 1920-е годы средняя заработная плата специалистов в промышленности в несколько раз превышала средний заработок рабочего. Так, главный инженер Нижнетагильского завода в 1927-1928 гг. получал в год 6000 руб., инженер-строитель 4440 руб. (в 1,4 раза меньше главного инженера), заведующий химической лабораторией 3360 руб. (в 1,8 раз меньше), а фрезеровщик 928 руб. (в 6,5 раз меньше), электросварщик 742 руб. (в 8,1 раз меньше), кузнец 467 руб. (в 12,8 раз меньше), счетовод 377 рублей (в 15,9 раз меньше) (12). Высокие ставки узкого слоя высококвалифицированных кадров были абсолютно не доступны массе рядовых специалистов.

Продекларированным, но практически не получившим воплощения, было право на дополнительную жилую площадь для лиц, служебные обязанности которых предполагали занятия на дому. Значительная часть льгот трактовалась как предоставление специалистам равных с рабочими возможностей для реализации гражданских прав и интересов. В среде инженерно-технической интеллигенции (самый востребованный новой властью профессиональный отряд) возникали свои коллизии между разными по квалификации и уровню образования группами, почвой для которых были, например, существенные различия в материальном положении. Противопоставление небольшого слоя наиболее квалифицированных и высокооплачиваемых специалистов основной части ИТР неизбежно порождало недовольство и зависть. Не случайно долго дискутировался вопрос о возможности вступления в инженерные профорганизации техников и практиков (13). Даже после принятия Всесоюзным инженерным съездом (декабрь 1924 г.) решения о приеме в секции техников и практиков сохранялось мнение, что секция специалистов в профсоюзах должны объединять только инженеров (лиц с высшим образованием) (14).

Собственно специалисты как бы смешались с аморфной группой служащих. Пестрый состав группы "спецов" пополнялся и "размывался" "выдвиженцами" из числа партийцев, рабочих, профсоюзных лидеров ("красные директора", административно-технический персонал разных уровней). Зыбкость их положения в советском обществе 1920-х годов порождалась установкой власти на краткосрочность, временность вынужденного союза с "буржуазными специалистами", пока не будут подготовлены в достаточном количестве свои пролетарские кадры.

Проанализировав результаты формирования и развития провинциальной инженерно-технической интеллигенции как особой социально-профессиональной группы общества, можно сделать вывод, что 1920-е годы представляют собой очень важный этап в развитии тагильской технической интеллигенции. В этот период происходит интенсивное вытеснение "старой" технической интеллигенции и активное создание мощного слоя "новых" специалистов. Маргинальная по своему происхождению, составу, назначению и соответственно месту в обществе, эта группа была весьма неоднородна по своей структуре, что неизбежно порождало внутригрупповые противоречия и конфликты интересов, которые до сих пор практически не рассматривались исследователями.

---

1. Маргинальность – это утрата объективной принадлежности к тому или иному классу, сословию, группе без последующего вхождения в другую подобную общность. Главным признаком маргинальности служит разрыв связей (социальных, культурных, поселенческих) с прежней средой.

2. Цит. по: Пыстина Л.И. "Спецы" как социальная группа в структуре российского общества 1920 – начала 1930-х гг. (проблемы изучения) // Маргиналы в советском обществе 1920-

1930-х годов. Новосибирск, 2001. С.51; Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917-й – конец 1930-х). Новосибирск, 1998.

3. ОДААНТ. Ф.85-Р. Оп.1. Д.190. Л.28; Ф.125. Оп.2. Д.182. Л.1.

4. Там же. Ф.85-Р. Оп.1. Д.28. Л.29, 30.

5. Там же. Ф.479. Оп.2. Д.83; Ф.125. Оп.2. Д.182; Ф.85-Р. Оп.1. Д.329, 28, 190.

6. Цит. по: Крупянская В.Ю., Рудина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917-1970). М., 1974. С.49, 50.

7. ОДААНТ. Ф. 85-Р. Оп. 1. Д.28. Л.148-149.

8. Урал. XX век / Под ред. Е.М. Главацкого. Екатеринбург, 1997. С.275.

9. ОДААНТ. Ф.85-Р. Оп.1. Д.329. Л.105, 114, 116 и др.; Ф.479. Оп.2. Д.80. Л. 31, 121, 143, 145.

10. Цит. по: Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков... С.50.

11. ОДААНТ. Ф.85-Р. Оп.1. Д.190, 28, 29, 30; Ф.479. Оп.2. Д.80-81; Ф.125. Оп.2. Д.326; Д.329. С.145.

12. ОДААНТ. Ф.228. Оп.1. Д.210. Л.55-57; Д.679. Л.2-4; Ф.479. Оп.2. Д.80.

13. Цит. по: Пыстина Л.И. "Спецы" как социальная группа... С.60.

14. ОДААНТ. Ф.85-Р. Оп.1. Д.329. Л.145; Д.329. Оп.1. ЛЛ.105, 116, 114.

Мельников Н.Н. (Екатеринбург) Транспортировка оборудования и размещение работников танковых предприятий на Урале

В конце 1941 г. – начале 1942 г. на Урал хлынул основной поток оборудования и работников предприятий, прибывавших по эвакуации. Из 1 523 промышленных предприятий, эвакуированных в течение войны, на Урале разместилось 703, из них в Свердловской области – 200 и столько же в Челябинской (1). Всего на восток страны в течение июля-ноября 1941 г. было перевезено около 1,5 млн. вагонов эвакуированных грузов. К концу года на новых местах развернулись и начали действовать, постоянно наращивая производство, восемь танкостроительных, шесть корпусных и три дизельных завода (2). Такое огромное количество грузов, перевозимых в основном железнодорожным транспортом, не могло не создавать серьезных помех.

В течение всего периода эвакуации по разным причинам на дорогах постоянно скапливалось большое количество неразгруженных вагонов. К 15 октября 1941 г. на Тагильском отделении скопилось 8275 вагонов, Свердловском – свыше трех тысяч. Проблемой разгрузки вагонов занимались партийные и хозяйственные организации всех инстанций (3). Принимаемые меры значительно стимулировали процесс разгрузки, но полностью снять проблему вплоть до конца эвакуационных мероприятий так и не удалось.

По железным дорогам Свердловской области составы продвигались со скоростью не более 200-250 км в сутки, а на развязках вокруг Свердловска (станции Свердловск-Сортировочный, Свердловск-Пассажирский, Шарташ) простаивали до трех суток. Часть проезжающих находилась в неотопливаемых вагонах, не обеспечивалась вовремя